

Владиміръ Амфитеатровъ-Кадашевъ.

*773
Amfiteatrov, Vladimir Kadashov*

Oчерки истории русской литературы

О Ч Е Р К И

исторіи русской литературы.

Прага
1922.

Акціонерное Общество „Славянское Издательство“.

ГЛАВА VII.
Н. В. ГОГОЛЬ.

Въ исторіи міровой литературы немного фигуръ, болѣе трагическихъ, чѣмъ Николай Васильевичъ Гоголь.

Гоголевское творчество — напряженно-непрерывное горѣніе души. Невидимыя міру слезы жгучей волной накаплиютъ на сердцѣ творца „Мертвыхъ душъ“ и „Шинели“ и не тушатъ, а еще пуще разжигаютъ объявшій его неугасимый огонь. Выше и выше взвивается страшное пламя, пока не испелится надорванная душа, пока не захлебнется Гоголь въ горькомъ потоцѣ губительныхъ слезъ.

Слишкомъ часто фраза о „невидимыхъ слезахъ“ понималась въ смыслѣ узкомъ, почти вульгарномъ: ихъ считали разновидностью „гражданской скорби“, предполагая, будто Гоголь рыдалъ надъ несовершенствами общественнаго уклада.

Послѣ работъ Мережковского, Розанова, Брюсова, Венгерова подобная точка зрѣнія невозможна.

„Невидимыя міру слезы“ вызваны причинами не общественно-политическими, но метафизическими. Страшны не взятки городничаго, но наличіе въ фактѣ бытія противорѣчія между Сущимъ и Должнымъ. Ужасны не Собакевичи и Плюшкины, но необорная власть злого начала.

Ошибочное представленіе о Гоголѣ, какъ о сатирикѣ-гражданинѣ, обязано своимъ происхожденіемъ невѣрному раскрытію его воспріятія жизни.

Конечно, всякое творчество отображаетъ жизнь. Но методы отображенія бываютъ крайне многогранны, и тѣ, кому при видѣлось, будто Гоголь стоитъ на грани точной передачи фактовъ и, — „какъ вѣрное зеркало, отражаетъ то, что есть на самомъ дѣлѣ“ — впади въ невѣроятную ошибку.

Это непониманіе было очень упорнымъ.

Современники Гоголя опредѣленно видѣли въ немъ натуралиста.

Для Бѣлинскаго въ Гоголѣ всего цѣннѣе, что у него „все просто, естественно, обыкновенно и вѣрно“, что онъ даетъ намъ „совершенную истину жизни“:

„Совершенная истина жизни въ повѣстяхъ г. Гоголя тѣсно соединяется съ простотою вымысла. Онъ не льститъ жизни, но и не клеветаетъ на нее: онъ радъ выставить наружу все, что есть въ ней прекраснаго, человѣческаго и въ то же время не скрываетъ нимало и ея безобразія. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ вѣренъ жизни до послѣдней степени. Она у него настоящій портретъ, въ которомъ все схвачено съ удивительнымъ сходствомъ, начиная отъ экспрессіи оригинала до веснушекъ лица его“. (В. Г. Бѣлинскій „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“ „Телескопъ“ 1835 т. 26)“.

Это мнѣніе держалось долго. С. А. Венгеровъ, въ послѣдствіи одинъ изъ разрушителей легенды гоголевскаго натурализма, въ 1907 году писалъ о „Ревизорѣ“:

„Не забудемъ же того, что „Ревизоръ“ не есть непосредственная фотографія съ живой дѣйствительности, а одно изъ самыхъ сконцентрированныхъ синтетическихъ произведеній, гдѣ все есть обобщеніе, все есть результатъ суммированія отдѣльныхъ чертъ... Это-то, конечно, и сообщило веселому анекдоту, который Пушкинъ разсказалъ Гоголю, такія грандіозныя очертанія и превратило его въ потрясающую картину нашего общественно-государственнаго уклада“. (С. А. Венгеровъ „Очерки по исторіи русской литературы. Писатель-гражданинъ Н. В. Гоголь“).

Однако, внимательное и вдумчивое изученіе послѣднихъ лѣтъ разсѣиваетъ ошибочную легенду (труды Мережковскаго, Брюсова, В. В. Розанова, А. Волынскаго, Элліса и др.).

С. А. Венгеровъ, ранѣе видѣвшій въ творествѣ „Гоголя“ подлинную картину Россіи, теперь доказываетъ, что Гоголь не имѣлъ никакой возможности наблюдать настоящую Россію, что „Ревизоръ“ навѣянъ исключительно малороссійскими впечатлѣніями, и въ основѣ „Мертвыхъ душъ“ нѣтъ реальныхъ наблюденій:

„Малороссійское міроотношеніе, если можно такъ выразиться, настолько органически засѣло въ Гоголѣ, что немного специфически-русское, которое ему было знакомо, запечатлѣвалось въ его воображеніи не столько, какъ художественная эмоція, сколько какъ этнографическая картина“. (С. А. Венгеровъ „Гоголь совершенно не зналъ реальной русской жизни (почти невѣроятное происшествіе)“ газ. „Рѣчь“ 1913 NN 56—57), говоритъ Венгеровъ, ссылаясь на постоянное у Гоголя, въ высшей степени странное добавленіе къ слову „мужикъ“ слова „русскій“ (первая глава „Мертвыхъ душъ“, „Невскій проспектъ“). Въ самомъ дѣлѣ, какіе еще мужики, кромѣ русскихъ, могутъ быть въ Петербургѣ или въ русскомъ губернскомъ городѣ? И,

окончательно погребая легенду о натурализмѣ Гоголя, Венгеровъ резюмируетъ:

„Конечно, никакой, не то, что гениальный, а даже средній художникъ не списываетъ дословно дѣйствительно имъ видѣнное, а даетъ типовое. Но, вѣдь, это типовое-то есть все же таки нѣкій средній выводъ, нѣкое обобщеніе, нѣкій общій знаменатель ряда отдѣльныхъ случаевъ. А вотъ у Гоголя никогда такой, какъ ее можно назвать, художественной руды въ распоряженіи не было“. (С. А. Венгеровъ, Ibid).

Статья С. А. Венгерова касается отношенія Гоголя къ чисто русской жизни.

Но и Малороссія, давшая Гоголю „своеобразное міроощеніе“, является у него въ образахъ, далекихъ отъ зеркальнаго отраженія.

Прошлое Украины, точное воскрешеніе коего Бѣлинскій и Шевыревъ увидѣли въ „Тарасѣ Бульбѣ“, — какъ уже въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія выяснено Кулишемъ и полякомъ Грабовскимъ, представлялось Гоголю въ видѣ, совершенно фантастическомъ.

Возраженія Кулишу Максимовича и Каманина, доказавшихъ высокую степень знакомства Гоголя съ украинской исторіей — дѣла не измѣняютъ. . .

Гоголь живо интересовался исторіей Малороссіи и много работалъ надъ нею. Но, во-первыхъ, въ его эпоху научное изслѣдованіе историческихъ судебъ Украины находилось еще въ зародышѣ.

А затѣмъ — и это самое главное, — у Гоголя отсутству-етъ „ясновидѣнье прошедшаго“.

„Передо мною выясняются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена казачества“ характеризуетъ онъ „Тараса Бульбу“ въ письмѣ къ Шевыреву изъ Вѣны отъ 25 августа 1839 г., самъ ясно не осозная происходящаго въ его душѣ творческаго процесса и принимая загорающійся фантастическій фейерверкъ „Тараса Бульбы“ за подлинное воспроизведеніе солнечнаго свѣта былыхъ временъ.

Потому что, обладая Гоголь „ясновидѣньемъ прошлаго“ — онъ, не взирая на немногочисленность историческихъ данныхъ, не претворилъ бы южно-русскую „жакерію“ XVII в. въ эпопею осады Нового Иліона, не накинулъ бы по выраженію Кулиша на казацкихъ „ватажковъ“ плаща Гомеровскихъ героевъ.

Анахронизмы и ошибки Гоголя въ „Тарасѣ Бульбѣ“ колоссальны. Онъ называетъ Бульбу характеромъ, „который могъ возникнуть въ тяжелый XV вѣкъ“ и заставляетъ его дѣйствовать въ обстановкѣ XVII вѣка.

Походъ на Дубно происходитъ передъ возстаніемъ Остра-ницы, т. е. въ концѣ 20-хъ годовъ XVII столѣтія, и одновременно кievскимъ воеводой названъ Адамъ Кисель, православный вельможа и сенаторъ, назначенный на это мѣсто въ 1651 году при Хмѣльницкомъ.

Гоголь думаетъ, что поэтическія гиперболы народныхъ пѣсенъ подлинно передаютъ общественныя отношенія и наивно увѣренъ, будто стоило только есауламъ прокричать во весь голосъ на рынкахъ кличъ „доставать казацкой славы!“ — и „пахарь ломалъ свой плугъ, бровари и пивовары кидали свои кадки и разбивали бочки, ремесленникъ и торгошъ посылалъ къ черту и ремесло, и лавку, билъ горшки въ домъ, и все, что ни было, садилось на коня. Словомъ, русскій характеръ получилъ здѣсь могучій, широкій размахъ, крѣпкую наружность“. (Тарасъ Бульба, I), не принимая во вниманіе, что при подобномъ „могучемъ, широкомъ размахѣ“ было бы невозможно не только то благосостояніе, которымъ, по отзывамъ современниковъ, цвѣла Малороссія первой половины XVII вѣка, но вообще никакое правильное общежитіе.

Не менѣ замѣтный анахронизмъ — предсмертныя слова Тараса Бульбы: „О своемъ царѣ изъ русской земли“, — Гоголь вкладываетъ въ слова казацкаго атамана I-й четверти XVII вѣка идеологію, родившуюся лишь послѣ Хмѣльницкаго.

Самая же большая историческая ошибка „Тараса Бульбы“, конечно, то, что Гоголь не угадалъ соціального фактора польско-казацкой борьбы, что отъ него ускользнулъ демократическій уравнительный характеръ украинскихъ возстаній. Его запорожцы бьются только за вѣру и русскую національность, тогда какъ на дѣлѣ казацкіе бунты были прежде всего соціальной революціей, лишь осложненной религіозно-національными моментами.

Гоголь настолько мало зналъ истинную природу казацкаго движенія, что заставилъ Бульбу гордиться своей принадлежностью къ дворянству (слова надъ трупомъ Андрія).

Правда, нѣкоторые православные и даже не православные шляхтичи бывали замѣшаны въ казацкихъ возстаніяхъ, но въ массѣ православное и русское шляхетство было такимъ же ожесточеннымъ врагомъ казачества, какъ и шляхетство католическое и польское, а казаки въ своей ненависти къ дворянамъ очень мало считались съ религіей и національностью послѣднихъ. Какая-нибудь буйная голова дворянскаго происхожденія, даже не русскій и не православный (таковъ былъ, по всей вѣроятности, Косинскій, глава перваго казацкаго движенія, направленнаго противъ столпа православной церкви, князя Константина Острожскаго) могъ предводительствовать казачьимъ

набѣгомъ, но, чтобы домовитый дворянинъ, какимъ Гоголь изображаетъ Бульбу, сознательно бросился въ бунтъ, направленный на разрушеніе его собственнаго благополучія, чтобы онъ повезъ своихъ ученыхъ сыновей „доканчивать образованіе“ въ Сѣчь, пристанище анти-шляхетской революціи — это не только не типично, но почти невозможно.

Малороссія, современная Гоголю, нарисована въ тонахъ, столь же нереальныхъ.

Достаточно вспомнить хотя бы описанія ея природы:

„Сквозь темно и свѣтло-зеленые листья небрежно раскиданныхъ по лугу осокоровъ, березъ и тополей засверкали огненные, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри деревьевъ. Своенравная, какъ она, въ тѣ упоительные часы, когда вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело, лилейныя плечи и мраморную шею, ослѣвленную темною, упавшей съ русой головы волною, когда съ презрѣніемъ кидаетъ одни украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца нѣтъ, — чудесная рѣка почти каждый годъ перемѣняетъ свои окрестности, выбираетъ себѣ новый путь и окружаетъ себя новыми разнообразными ландшафтами. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя свои колеса широкія волны и мощно кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность“. („Сорочинская ярмарка“ I).

Нигеръ или Амазонку рисуетъ Гоголь? Всего навсего — скромный, маловодный Пселъ.

„Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ! На немъ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; сверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лѣнливо и бездушно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщеть золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насккомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣяемыми статными подсолнечниками. Сѣрые стоги сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви

черешень, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало—рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ“ . . . (Ibid).

Надъ Бразиліей или надъ Явой пышетъ жаромъ этотъ тропическій полдень? Всего навсего надъ мѣстечкомъ Сорочинцами Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

А прудъ въ „Майской ночи“ или знаменитое „Чудень Днѣпръ при тихой погодѣ“ изъ „Страшной мести“?

Развѣ эта рѣзкая яркость, этотъ ослѣпительный калейдоскопъ образовъ, эта декоративная пышность, эта бьющая въ глаза красочность — хоть сколько-нибудь характерны для нарядной, кокетливой, но скромной и вовсе не пышно изукрашенной, природы Малороссіи? Сравните отливающее всѣми цвѣтами радуги, словно драгоценная парча сверкающее серебромъ и золотомъ описаніе украинской ночи у Гоголя со строгимъ простымъ описаніемъ ея въ „Полтавѣ“, и намъ станетъ ясно, какъ нереально и фантастично представленіе Гоголя о Малороссіи,

Гоголь ошибается даже въ малороссійскихъ обычаяхъ: въ „Майской ночи“ парубки распѣваютъ великорусскую пѣсню.

Этихъ ошибокъ уже нельзя объяснять — (какъ дѣлаетъ Венгеровъ въ отношеніи русской жизни) малымъ знакомствомъ Гоголя съ изображаемымъ сюжетомъ. Гоголь, конечно, видѣлъ и зналъ современную ему Малороссію и ея природу.

Слѣдовательно, есть иная причина, и эта причина — то, что Гоголь видитъ жизнь не такъ, какъ она представляется обычному взору, Онъ не натуралистъ, но величайшій фантастъ нашей литературы.

Напрасно „неистовый Виссаріонъ“ вообразилъ, что у Гоголя, все просто, обыкновенно, естественно и вѣрно“.

Уже одна гиперболичность образовъ и примѣненіе къ деревьямъ эпитетовъ, соединяемыхъ чаще съ представленіемъ о Казбекѣ или Монбланѣ („подоблачные дубы“ въ I главѣ „Сорочинской ярмарки“), глаголь „гремѣть“ для обозначенія звуковъ, издаваемыхъ столь нѣжными птичками, какъ соловей и перепелъ, Днѣпръ, такой широкій, что рѣдкая птица долетитъ до его середины, прудъ, сонный хохлацкій „ставокъ“, держащій „въ своихъ объятіяхъ небо“, — показываютъ, что мы имѣемъ дѣло не столько съ „поэзіей жизни дѣйствительной, коротко знакомой намъ“, сколько съ совершенно необычайнымъ мироощущеніемъ, съ воспріятіемъ бытія сквозь многогранную отливающую всѣми цвѣтами радуги призму.

Творчество Гоголя — сказочный садъ, гдѣ на вербахъ зрѣютъ необыкновенныя груши, золотыя, съ сокомъ, душистымъ и пьянымъ, какъ столѣтній медъ, но отъ котораго на сердцѣ становится горько и отчаянно, гдѣ наглые грибы по-

ганки достигаютъ размѣровъ калифорнійскихъ веллингтоній, гдѣ по темнымъ угламъ вырастаютъ чудовищные ядовитые и колючіе бурьяны, и гдѣ иногда, сверкая, словно яхонты и топазы, распускаются ослѣпительные цвѣты, чей опьянительный запахъ опаснѣе яда бурьяновъ.

Здѣсь все неожиданно, капризно и измѣнчиво, и недаромъ современный нашъ изслѣдователь сравнивалъ этотъ фантастическій міръ съ мучительными видѣніями Гопа (Проф. С. К. Шамбинаго „Гоголь и Гопа“).

Черти, вѣдьмы, мертвецы, изъ двадцати двухъ беллетристическихкихъ произведеній Гоголя, собственной персоной участвующіе въ десяти, чувствуютъ себя здѣсь, какъ дома. Здѣсь въ пыльной лавкѣ антикварія можно купить страшный портретъ, вылѣзающій по ночамъ изъ рамы и соблазняющій людей сатанинскимъ золотомъ. Здѣсь не надо удивляться, если вамъ по близости Калинкина моста встрѣтится нѣкое привидѣніе и потребуетъ у васъ вашу шинель.

Здѣсь убѣжавшій съ лица майора Ковалева носъ украшаетъ себя шляпой съ плюмажемъ и развѣзжаетъ по Петербургу въ каретѣ. Здѣсь, разгоня веселыхъ пріятелей Солопія Черевика, въ окно хаты внезапно всовывается свиная харя, и вы никогда не повѣрите, будто бы свинью всунуль таинственный цыганъ. *) О, конечно, тутъ не обошлось безъ цыгана, съ его великими достоинствами, которымъ на землѣ одна награда — висѣлица, но можно поручиться, что онъ не подслушивалъ розсказней кума подъ окномъ Черевика и не вталкивалъ въ нужный моментъ живой свиньи. Даже не будучи сорочинскимъ засѣдателемъ, отъ котораго не ускользнетъ ни одна вѣдьма на свѣтѣ, легко догадаться, что дѣло не такъ просто и чисто.

Иногда въ этомъ саду попадаютъ какъ будто совсѣмъ-совсѣмъ простыя полянки. Не слишкомъ довѣряйте ихъ простотѣ. На нихъ появляются очень странныя произрастанія.

Выскакиваетъ „сосулька, тряпка, вертопрахъ“, ни на полмизинца не похожій на ревизора“, и эта „сосулька и вертопрахъ“ — „фантазмагорическое лицо, лживый олицетворенный обманъ“, мороку коего поддаются „умные люди и даже искуснѣйшіе плуты“. „Сосулька“ внезапно вырастаетъ въ „подоблачный дубъ“, ложь „вертопраха“ такъ стремительно-завлекательна, что онъ самъ чаруется своимъ морокомъ, вѣря и въ написаннаго имъ Юрія Милославскаго, и въ трепетъ передъ нимъ государственнаго совѣта, потому что онъ „такой и ни на кого не посмотреть“, и въ то, что его „завтра же, сейчасъ произведутъ въ фельдмарш!!“. („Ревизоръ“ д. III. явл. VI).

*) Такое безвкусное объясненіе появленія свиной хари обычно при постановкѣ „Сорочинской ярмарки“ на сценѣ.

А вотъ, по выраженію современнаго Гоголю критика, самыя пошлыя „задворки человѣчества“, заросшія сорною травой. Но присмотритесь внимательнѣе къ этой обычности, и васъ окружають нестерпимо-смѣхотворныя маски. Свирѣпая вражда двухъ миргородскихъ глупцовъ, по силѣ своей достойная какихъ-нибудь корсиканцевъ, разрушеніе гусянаго хлѣва, похищеніи бурой свиной бумаги съ судейскаго стола, нелѣпое судбище . . . Все прыгаетъ, вертится, строитъ рожи, словно на карнавалѣ уродовъ и чучель.

Пошлый бурьянъ превращается въ исполинскій баобабъ, закрываетъ небеса, на весь міръ раскидываетъ вдругъ ставшія гигантами вѣтви. И невольно срывается у выросившаго его своимъ чародѣйствомъ садовника вопль отчаянія и ужаса:

„Тошця лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непрятный для слуха звукъ. Дождь лиль ливмя на жидя, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкой. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрая галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо. — Скучно на этомъ свѣтѣ, господа! („Повѣсть о томъ, какъ поссорился Ив. Ив. съ Ив. Никифор.)“.

А такой обыкновенный, не тонкій и не толстый господинъ, замыслившій ловкое жульничество? Развѣ этотъ небольшой грибокъ гоголевскаго сада не вырастаетъ до размѣровъ, почти мистическихъ, развѣ не вноситъ онъ въ жизнь небывалое смятеніе, заставляющее людей вѣрить даже неподобной лжи Ноздрева?

„Отсутствие реальныхъ наблюденій“, подмѣченное Венгеровымъ у Гоголя, безсильно объяснить эту фантастичность, этотъ гиперболизмъ, имѣющійся, впрочемъ, и въ вещахъ, гдѣ „реальныя наблюденія“ налицо.

Нельзя говорить, что Гоголь, въ ошибкахъ противъ натурализма доходившій до людей, носящихъ лѣтомъ шубы („Мертвыя души“), подмѣнялъ чудными выдумками незнакомую ему реальную жизнь.

Фантастическое творчество — не высасыванье изъ пальца небывальщины, а было результатомъ особаго міропониманія.

Пріемля міръ въ обыденныхъ представленіяхъ, не создавъ фантастики, даже введя въ повѣствованіе случаи, совсѣмъ неподобные: если вы, будучи твердо убѣждены, что всѣ возможности познанія заключены въ нашихъ пяти чувствахъ, — ста-

нете рассказывать, будто вчера въ ресторанѣ видѣли Люцифера, кушающаго бифштексъ съ горчицей, — это будетъ не фантастика, а просто чепуха,

Надо совершенно необычайно ощущать жизнь, чтобы убѣдить, будто носы, хотя и рѣдко, но все-таки соскакиваютъ съ человѣческихъ лицъ и не только посѣщаютъ Гостинный Дворъ подъ видомъ чиновниковъ, но еще имѣютъ наглость увѣрять, что они „сами по себѣ“.

Гоголь въ высшей степени одаренъ этимъ необычайнымъ міроощущеніемъ, и оно рождаетъ въ немъ глубокую убѣжденность въ невѣрности предметнаго міра.

„О, не вѣрьте этому Невскому проспекту!.. Все обманъ, все мечта, все не то, чѣмъ кажется... Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, міриады каретъ валяются съ мостовъ, форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадахъ, и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только чтобы показать всеневѣру въ настоящемъ видѣ“.

(„Невскій проспектъ“).

Все не то, чѣмъ кажется: жизнь ходитъ въ маскѣ.

Здѣсь разрѣшеніе трагедіи Гоголя. разгадка тайны „невидимыхъ слезъ“ и „видимаго смѣха“.

Геніальнымъ прозрѣніемъ приподнялъ Гоголь маску жизни и увидѣлъ нѣчто страшнѣйшее самаго ужаснаго искаженнаго лица — безпредѣльность и безобразность непреодольнаго и непреодолимаго отъ вѣка хаоса: какъ несчастному Пискареву, ему показалось, „что какой-то демонъ искрошилъ весь міръ на множество разныхъ кусковъ, и всѣ эти куски безъ толку, безъ смысла смѣшались вмѣстѣ“.

(Ibid).

Нельзя не плакать при этомъ зрѣлищѣ: оно ужаснѣе кошмаровъ „Вія“. Нельзя не смѣяться: оно смѣшнѣе лжи Ноздрева.

Но и „видимый смѣхъ“ и „невидимыя слезы“ — выраженія одного и того же огненнаго чувства, въ которомъ до конца сгораетъ душа Гоголя — ужаса передъ бытіемъ.

За миражемъ предметныхъ явленій и за безобразной смутностью родившаго ихъ хаоса Гоголь узрѣлъ единственную подлинную реальность бытія — ч о р т а, котораго не принялъ, какъ символъ, но непосредственно ощутилъ, какъ мы ощущаемъ тепло отъ солнечнаго свѣта или холодъ отъ мороза.

Доказываетъ-ли онъ А. О. Смирновой-Россети, что „сплетня дѣлается чортомъ“, убѣждаетъ-ли Языкова, что „стихи должны быть направлены противъ врага рода человѣческаго“,

объясняетъ-ли силой злого духа фактъ сожженія II-ой части „Мертвыхъ душъ“, — жалуется ли своему духовнику: „Но какъ смѣть предаваться какой-нибудь минутѣ, испытавши ужъ на дѣлѣ, какъ близко отъ насъ искуситель! (Письмо къ о. Матвѣю изъ Одессы отъ 21 апрѣля 1848 г.) — никогда не оставляетъ его темное чувство ужаса передъ всеильнымъ зломъ, такъ отчетливо выраженное въ его предсмертномъ воплѣ: „Помилуй, Господи, меня грѣшнаго — свяжи сатану вновь...“

Отъ этого-то и проистекаетъ подробность описанія всяческихъ дивъ, казавшаяся Бѣлинскому и Шевыреву ошибочной. Человѣку, воспринимающему фантастику, какъ нѣчто сомнительное или совсѣмъ недостоверное, необходима завуалированность, расплывчатость, чтобы вызвать фантастическое настроеніе. Но Гоголь среди чертовскихъ чудищъ — свой: для него они, — несомнѣнно реальное бытіе — и, естественно, онъ не оставляетъ подробнаго стиля, которымъ передаетъ жизнь обычную.

Съ первыхъ шаговъ своихъ Гоголь почувствовалъ необорно распространяющееся надъ жизнью дыханіе злой силы.

Эта сила не сразу показала когти. Сначала она притворилась невинной и смѣшной: врагъ рода человѣческаго щеголяетъ въ маскѣ нѣмца или губернскаго стряпчаго („Ночь подъ Рождество“ I). Человѣкъ легко его одурачиваетъ. Шутки нечисти почти добродушны: поугать стараго кладоискателя („Заколдованное мѣсто“), украсть у казака гетманскую грамоту („Пропавшая грамота“). Она какъ будто даже полезна людямъ: не ея-ли чудодѣйствамъ обязаны счастьемъ (Параска и Грицько, Оксана и Вакула). Но веселится казакъ, пляшетъ, — и вдругъ „все лицо его перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился въ сторону, вмѣсто карихъ запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ“. („Страшная месть“ I).

Страшный Басаврюкъ, „весь синій какъ мертвецъ“, врывается въ добродушную украинскую демонологию. За шутливымы „чертяками“, на которыхъ такъ просто съѣздить въ Петербургъ къ царицѣ, встаетъ исполинская, проникнутая нечистой страстью, фигура отца Катерины.

Не тѣшитесь мечтою, что нежить — совсѣмъ не страшная и даже глупая. Подлинный ея образъ грозенъ:

„... нечистая сила металась вокругъ него, чуть не зацѣпляя его концами крылъ и отвратительныхъ хвостовъ. Не имѣлъ духу разглядѣть онъ ихъ; видѣлъ только, какъ во всю стѣну стояло какое-то огромное чудовище въ своихъ перепутанныхъ волосахъ, какъ въ лѣсу; сквозь сѣть волосъ глядѣли

страшно два глаза, поднявъ немного вверхъ брови. Надъ нимъ держалось въ воздухѣ что-то въ видѣ огромнаго пузыря, съ тысячами протянутыхъ изъ середины клещей и скорпионныхъ жалъ; черная земля висѣла на нихъ клоками“. („Вій“).

Она — „приземистый, дюжий, косолапый“ Вій, она — воплощенный въ своемъ портретѣ дьявольскій Петромихали.

Однако, настоящій ужасъ, котораго не выдержитъ надорванное сердце генія, наступаетъ, когда господинъ „съ гладкимъ, какъ у датской собаки хвостомъ“, является безъ сверхъестественныхъ обличій, въ маскѣ обыкновеннаго пошлаго человѣка.

Страшны видѣнія бѣднаго Хомы Брута. Но городъ „Мертвыхъ душъ“ страшнѣе. Ужасенъ Вій, но Чичиковъ ужаснѣе.

Ибо въ образѣ не тонкаго, не толстаго, всѣмъ пріятнаго Павла Ивановича духъ небытія и злобы съ наибольшей четкостью выявляетъ свою отчаянную пустоту, свою безконечную пошлость и мелкость.

Въ преодолѣніи этого ужаса, въ побѣдѣ надъ злою силою Гоголь видитъ основную задачу своего творчества.

Всѣ его произведенія — бой съ чортомъ. Недаромъ, передъ выходомъ въ свѣтъ, они кажутся ему рѣшающими судьбы человѣчества: „такія открываются тайны, которыхъ не слышала дотолѣ душа“. (Письмо къ Жуковскому отъ 2. XII. 1843. изъ Ниццы).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не покидаетъ Гоголя внутреннее предчувствіе непобѣдимости чорта. Тайный голосъ, восходящій изъ подсознательной сферы, обители зарожденія творчества и мысли — непрестанно твердитъ о тщетности горѣнія мятушагося сердца: опозорена злая сила — „онъ бачъ, яка кака намалевана“ („Ночь подъ Рождество“) — и, все-таки, въ конечномъ счетѣ — побѣждаетъ. Не случайна замѣна примиреннаго конца перваго варианта „Портрста“ зловѣщей кражей варианта второго. Не такъ легко одолѣть зло: въ толпѣ, внимающей страшному повѣствованію о соблазнѣ, заключенномъ въ изображеніи дьявольскаго ростовщика, всегда найдется безумецъ, готовый помочь нечистой силѣ — сѣять гибель и бѣду.

Сознаніе непобѣдимости зла доводитъ Гоголя до крайнихъ предѣловъ отчаянія и унынія. У него бываютъ минуты, когда онъ почти проклинаетъ свое творчество, представляющееся ему полемъ безчисленныхъ поражений, понесенныхъ отъ злой силы.

„Въ сочиненіяхъ моихъ много, много грѣховъ“. (Письмо къ матери 10. 1838 г. изъ Рима).

„Сочиненія мои написаны во время глупой молодости и пользуются пока незаслуженной славой“. (Письмо къ А. О. Смирновой-Россети 21. XII 1844 изъ Франкфурта н/М.).

„Жаль, что нѣтъ такой моли, которая бы сразу съѣла всѣ экземпляры „Ревизора“, а съ ними „Арабески“, „Вечера“ и „всю прочую чепуху“. (Письмо къ Прокоповичу отъ 27. I 1837 изъ Парижа).

Въ „Перепискѣ“, сначала казавшейся „нужной, слишкомъ нужной“, на которой почилъ „чудо и особая милость Божія“. (Письмо къ П. А. Плетневу отъ 30. VII 1846 г. изъ Швальбаха и 20. X т. г. изъ Франкфурта н/М.):

„Я размахнулся такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее“. (Письмо къ В. А. Жуковскому отъ 6. III 1847 изъ Неаполя).

Причина тайнаго сознанія непреодѣленности и непреодолимости зла заключается въ отсутствіи у Гоголя просвѣтленной и лучезарной любви къ Началу Вѣчно-Женственнаго.

Гоголь глубоко чувствуетъ женскую красоту и умѣетъ тонко передавать чудо ея обаянія: вспомните очаровательное сравненіе личика губернской дочки съ только что снесеннымъ яичкомъ, которое „держится противъ свѣта и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца“. („Мертвыя души“ 2. I, VII).

Вспомните кокетливо-изящныхъ дивчинъ „Вечеровъ“. Вспомните, наконецъ, обольстительныя, сверкающія брызжущія всѣми цвѣтами описанія красавицъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“ и „Невскомъ проспектѣ“ или классическое воплощеніе восторга передъ женскою красою въ „Римѣ“.

Но одно яркое воспріятіе женской красоты еще не создастъ любви къ тому Началу, о которомъ Христіанство пророчествуетъ, что Оно „сотретъ главу змія“, и которому, какъ первоосновѣ гармоніи, пропѣлъ вдохновенный гимнъ великій язычникъ новой Европы. („Das Ewig — Weibliche zieht uns hinan!“).

Двойственное и пассивное по самому существу своему, женское Начало можетъ одинаково легко стать, какъ орудіемъ Добра, такъ и орудіемъ Зла. У Афродиты два лика: Афродита Небесная и Афродита Простонародная — и послѣдній, нечистый и дьявольскій, внѣшне можетъ быть обольстительно прекраснымъ.

„Въ ту красоту, о, коварные черти,
Путь себѣ тайный вы скоро нашли,
Адское сѣмя растлѣнья и смерти
Въ образъ прекрасный вы сѣять смогли“.

пишетъ Владиміръ Соловьевъ въ свомъ шутовомъ „письмѣ въѣзательномъ къ морскимъ чертямъ“.

Гоголь остро чувствует дьявольскій ликъ Афродиты и, можетъ быть, не совсѣмъ неправъ, когда говоритъ, что въ его сочиненіяхъ „много, много грѣховъ“. Его душѣ, напряженно-страстной и прекрасно понимавшей опасность и страхъ излишней страстности. („Берегитесь всего страстнаго, берегитесь даже въ божественное внести что-нибудь страстное, пишетъ онъ А. О. Смирновой изъ Дормштадта 17. IV 1844) — внутренне близки обаянія нечестивой любви“.

Полетъ Хомы Брута въ „Віѣ“ и кровосмѣсительная страсть отца Катерины въ „Страшной мести“ — эти замѣчательныя, поистинѣ „магическія страницы“ (выраженіе В. В. Розанова) — съ потрясающей ясностью вскрываютъ тайну гоголевскаго ощущенія Афродиты Сатанинской.

Сколько мучительнаго злого сладострастья въ „томительномъ, непріятномъ и вмѣстѣ сладкомъ чувствѣ, подступившемъ къ сердцу“ — Хомы, когда онъ скачетъ „съ непонятнымъ всадникомъ на спинѣ“. („Вій“).

Эта трава, покрытая „прозрачной, какъ горный ключъ водою“, это „робкое полночное сіяніе, дымящееся по землѣ и, въ особенности, эта русалка, написанная съ непереносною для силъ человѣческихъ остротою :

... „выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая, упругая, вся созданная изъ блеска и трепета. Она оборотилась къ нему, — и вотъ ея лицо, съ глазами свѣтлыми, сверкающими, острыми, съ пѣньемъ, вторгавшимся въ душу, уже приближалось къ нему, уже было на поверхности и, задрожавъ сверкающимъ смѣхомъ, удалялась, и вотъ она опрокинулась на спину, — и облачныя перси ея, матовыя, какъ фарфоръ, непокрытый глазурью, просвѣчивали предъ солнцемъ по краямъ своей бѣлой эластически-нѣжной окружности. Вода въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, какъ бисеръ, осыпала ихъ. Она вся дрожить и смѣется въ водѣ“ ... („Вій“). — насквозь пронизаны страстнымъ колдовствомъ. Непобѣдимымъ соблазномъ втѣсняется оно въ душу, навсегда отравляя ее сладостнымъ своимъ ядомъ.

Въ „Страшной мести“ мы прикасаемся къ наиболѣе дерзновенной, наиболѣе преступающей нравственный законъ страсти — къ „богопротивной“ жаждѣ обладанія родной дочерью. Здѣсь Афродита Пандемось является едва-ли не въ самомъ грозномъ обличій своемъ.

Ликъ ея — отвратительная маска колдуна, — но развѣ не окруженъ онъ чарою, почти неодолимой? Развѣ нечистая любовь не тонетъ въ „прозрачно-голубомъ и блѣдно-золотомъ свѣтѣ, переливающимся словно на мраморѣ“ („Страшная месь“ IV), отъ котораго вѣетъ томнымъ и опаснымъ обаяніемъ?

Въ нечистивомъ чудодѣйствѣ есть соблазнъ, столь обольщающій, что невольно встаетъ лукавый и страшный вопросъ: не потому-ли Катерина спасла жизнь преступному отцу, что гдѣ-то, въ самыхъ тайникахъ души, предпочла законной любви честнаго Данилы, умѣющаго только лихо рубиться и лихо пить столѣтній медъ, дерзновенное стремленіе головокружительной сладости паденія въ „глубины сатанинскія“?

Дьявольская тайна слиянія красоты и нечестія пронизываетъ все творчество Гоголя.

Потрясающе выпукло встаетъ она въ „Невскомъ Проспектѣ“, замѣчательнѣйшей изъ петербургскихъ повѣстей, гдѣ тяжкаго бремени ея не выдерживаетъ наивное сердце бѣдняка, въ царствѣ обмана, именуемаго жизнью, вѣрившаго въ „Перуджиніеву Біанку“ и молящагося несуществующей Афродитѣ Ураніи.

Гоголь, конечно, не Пискаревъ, хотя, можетъ быть, еще глубже, чѣмъ бѣдный художникъ, тоскуетъ о „Перуджиніевой Біанкѣ“.

Но Гоголь несчастнѣе Пискарева: тотъ, по крайней мѣрѣ, долго вѣрилъ въ Біанку и боролся за нее, пока горькое разубѣреніе не привело его къ „окровавленной бритвѣ“. Гоголь же слишкомъ глубоко чувствуетъ „страшную сверкающую красоту, на которую нельзя поглядѣть и не зажмуриться, сатанинской Афродиты, чтобы хоть на мигъ повѣрить въ Афродиту Небесную:

„Казалось, никогда еще черты лица не были образованы въ такой рѣзкой и вмѣстѣ гармонической красотѣ. Она лежала, какъ живая: чело прекрасное, нѣжное, какъ снѣгъ, какъ серебро, казалось, мыслило; брови — ночь среди солнечного дня, тонкія, ровныя, — горделиво приподнялись надъ закрытыми глазами, а рѣсницы, упавшія стрѣлами на щеки, пылавшія жаромъ тайныхъ желаній; уста — рубины, готовые усмѣхнуться смѣхомъ блаженства, потопомъ радости... Но въ нихъ же, въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, онъ видѣлъ что-то страшно-пронзительное. Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ-то болѣзненно ныть, какъ будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы запѣлъ кто-нибудь пѣсню похоронную. Рубины устъ ея, казалось, прикипали кровію къ самому сердцу. Вдругъ что-то страшно знакомое показалось въ лицѣ ея.

— Вѣдьма! — вскрикнулъ онъ“ („Вій“).

Съ такимъ ощущеніемъ дьявольскаго соблазна, конечно, несовмѣстима „Біанка“ — и Гоголь врядъ-ли не согласенъ съ Поприцинымъ, дѣлающимъ великое открытіе, что „женщина влюблена въ чорта“ или съ философомъ Халявой, глу-

бокомысленно заявляющимъ, что „всѣ бабы на базарѣ — вѣдьмы“.

Дѣйствительно, развѣ эти „дамы просто пріятныя“ и „дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ“, Анны Андреевны, Марьи Антоновны и Агафьи Тихоновны, пустыя, глупыя, ненужныя, — не любовницы мелкаго бѣса пошлости?

Даже милымъ и нѣжнымъ „дивчатамъ“ „Вечеровъ“ нельзя довѣрять до конца. Г. Эллисъ довольно парадоксально, но не безъ остроумія, замѣтилъ, что у нихъ слишкомъ грубыя имена — Параска, Пидорка — чтобы ихъ можно было принять за воплощеніе просвѣтляющей Женственности.

Не есть-ли очарованіе ихъ, похожихъ на молодую вишенку въ бѣломъ снѣгу первоцвѣта — слѣдствіе чисто внѣшней причины — молодости и красоты?

Пока онѣ юны и прекрасны, ихъ капризы милы, ихъ неглубокая любовь изящна, ихъ нарядное кокетство пріятно. Но въ грядущемъ не превратятся-ли онѣ въ крикливыхъ Хивръ, не смѣнится-ли на ихъ лицахъ кокетство чѣмъ-то „столь непріятнымъ, столь дикимъ“, не обратится-ли ихъ любовь въ грубый флиртъ Солохи съ чортомъ?

Невѣріе въ Афродиту Небесную — причина пораженія Голя въ борьбѣ съ дьяволомъ.

Тщетно бросается раненый геній изъ стороны въ сторону, ища выхода. Обращаетъ полныя надежды взоры къ созидательному труду, на путь, указанный мудрымъ Фаустомъ — и необманнымъ художественнымъ чутьемъ ясно ощущаетъ небудительность своего Костанджогло.

Ищетъ спасенія въ идеѣ отечества, но вдохновенные гимны родинѣ пишетъ лишь изъ „прекраснаго далека“, но всю жизнь убѣгаетъ отъ родной земли въ „мою душеньку красавицу Италію“, сознавая, что ему „больше чѣмъ кому-нибудь другому нужно держаться вдали отъ Россіи“, что въ ней нѣтъ „ни одного событія, которое бы его освѣжило“.

Даже живая вода религіознаго чувства претворяется у него въ ядъ изступленнаго фанатизма, христіанскаго лишь по имени, вызывающаго недоумѣніе и страхъ не только у атеиста, Бѣлинскаго, но и у глубоко, по-христіански вѣрующихъ Аксаковыхъ.

Для человѣка, познавшаго великую силу зла, не можетъ пройти даромъ невѣріе въ Вѣчно-Женственное начало.

Всеозаряющій бѣлый свѣтъ святой любви — той, которую средневѣковая мистика именовала caritas — единственное вѣрное оружіе для побѣды надъ врагомъ рода человѣческаго.

Безъ него битва съ чортомъ сулитъ поражение.

Солнце этой Любви, о которомъ Владиміръ Соловьевъ
сказалъ:

„Смерть и время царятъ на землѣ,
Но владыками ихъ не зови.
Все, кружась, погибаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь Солнце Любви.“

не подымалось на небосклонѣ Гоголя, и изнемогъ его гений,
испепелившій себя въ тщетномъ стремленіи преодолѣть страш-
но злого и умнаго духа небытія и пустоты.
